

Афанасий Афанасьевич Фет

Антологические стихи

Афанасий Афанасьевич Фет

Антологические стихи

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22114832
Антологические стихи:*

Аннотация

«...Богини девственной округлые черты, Во всём величии блестящей наготы, Я видел меж деревьев над ясными водами. С продолговатыми, бесцветными очами Высоко поднялось открытое чело, – Его неподвижностью вниманье облегло, И дев молению в тяжелых муках чрева Внимала чуткая и каменная дева...»

Содержание

Греция	5
Вакханка	7
Диана	8
«Влажное ложе покинувши, Феб златокудрый направил...»	9
Кусок мрамора	11
К юноше	12
«С корзиной, полною цветов, на голове...»	13
«В златом сиянии лампы полусонной...»	14
«Питомец радости, покорный наслажденью...»	15
«Уснуло озеро; безмолвен лес...»	17
К красавцу	18
Сон и Пазифая	19
Амимона	20
Диана, Эндимион и Сатир	22
Золотой век	23
Даки	25
Телемак у Каллипсы	27
Венера Милосская	29
Нимфа и молодой сатир	30
Сон и смерть	32
«Когда петух...»	33

Афанасий Афанасьевич Фет Антологические стихи

Греция

Там, под оливами, близ шумного каскада,
Где сочная трава унизана росой,
Где радостно кричит веселая цикада
И роза южная гордится красотой,

Где храм оставленный подъял свой купол белый
И по колоннам вверх кудрявый плющ бежит, –
Мне грустно: мир богов, теперь осиротелый,
Рука невежества забвением клеймит.

Вотще... В полночь, как соловей восточный
Свистал, а я бродил незримый за стеной,
Я видел: грации сбирались в час урочный
В былой приют заросшею тропой.

Но в плясках ветреных богини не блистали
Молочной пеной форм при золотой луне;
Нет, – ставши в тесный круг, красавицы шептали...

«Эллада!» – слышалось мне часто в тишине.

1840

Вакханка

Под тенью сладостной полуденного сада,
В широколиственном венке из винограда
И влаги вакховой томительной полна,
Чтоб дух перевести, замедлилась она.
Закинув голову, с улыбкой опьяненья,
Прохладного она искала дуновенья,
Как будто волосы уж начинали жечь
Горячим золотом ей розы пышных плеч.
Одежда жаркая всё ниже опускалась,
И молодая грудь всё больше обнажалась,
А страстные глаза, слезой упоены,
Вращались медленно, желания полны.

1843

Диана

Богини девственной округлые черты,
Во всём величии блестящей наготы,
Я видел меж дерев над ясными водами.
С продолговатыми, бесцветными очами
Высоко поднялось открытое чело, –
Его неподвижностью вниманье облегло,
И дев молению в тяжелых муках чрева
Внимала чуткая и каменная дева.
Но ветер на заре между листов проник, –
Качнулся на воде богини ясный лик;
Я ждал, – она пойдет с колчаном и стрелами,
Молочной белизной мелькая меж древами,
Взирать на сонный Рим, на вечный славы град,
На желтоводный Тибр, на группы колоннад,
На стогны длинные... Но мрамор недвижимый
Белел передо мной красой непостижимой.

1847

«Влажное ложе покинувши, Феб златокудрый направил...»

Влажное ложе покинувши, Феб златокудрый
направил

Быстрых коней, Фаетонову гибель, за розовой Эос;
Круто напрягши бразды, он кругом озибался, и
тотчас

Бойкие взоры его устремились на берег
пустынный.

Там воскурялся туман благовонною жертвою; море
Тихо у желтых песков почивало; разбитая лодка,
Дном опрокинута вверх, половиной в воде,
половиной

В утреннем воздухе, темной смолою чернела – и
тут же,

Влево разбросаны были обломки еловые весел,
Кожаный щит и шолом опрокинутый, полные тины.
Дальше, когда порассеялись волны тумана седого,
Он увидел на траве, под зеленым навесом
каштана

(Трижды его обежавши, лоза окружала кистями), –
Юношу он на траве увидел: белоснежные члены
Были раскинуты, правой рукою как будто теснил он
Грудь, и на ней-то прекрасное тело недвижно
лежало,

Левая навзничь упала, и белые формы на темной
Зелени трав благовонных во всей полноте
рисовались;

Весь был разодран хитон, округлые бедра белели,
Будто бы мрамор, приявший изгибы из рук
Праксителя,

Ноги казали свои покровенные прахом подошвы,
Светлые кудри чела упадали на грудь, осеняя
Мертвую силу лица и глубоко-смертельную язву.

1847

Кусок мрамора

Тщетно блуждает мой взор, измеряя твой мрамор
начатый,

Тщетно пытливая мысль хочет загадку решить:

Что одевает кора грубо изрубленной массы?

Ясное ль Тита чело, Фавна ль изменчивый лик,

Змей примирителя – жезл, крылья и стан
быстроногий,

Или стыдливости дев с тонким перстом на устах?

1847

К юноше

Друзья, как он хорош за чашею вина!
Как молодой души неопытность видна!
Его шестнадцать лет, его живые взоры,
Ланиты нежные, заносчивые споры,
Порывы дружества, негодование, гнев —
Всё обещает в нем любимца зорких дев.

1847

«С корзиной, полною цветов, на голове...»

С корзиной, полною цветов, на голове
Из сумрака аллеи она на свет ступила, –
И побежала тень за ней по мураве,
И пол-лица ей тень корзины осенила;

Но и под тению узнаешь ты как раз
Приметы южного созданья без ошибки –
По светлому зрачку неотразимых глаз,
По откровенности младенческой улыбки.

1847

«В златом сиянии лампады полусонной...»

В златом сиянии лампы полусонной
И отворя окно в мой садик благовонный,
То прохлаждаемый, то в сладостном жару,
Следил я легкую кудрей ее игру:
Дыханьем полночи их тихо волновало
И с милого чела красиво отдувало...

1843

«Питомец радости, покорный наслажденью...»

Питомец радости, покорный наслажденью,
Зачем, коварный друг, не внемля приглашенью,
Ты наш вечерний пир вчера не посетил?
Хозяин ласковый к обеду пригласил
В беседку, где кругом, не заслоня сада,
Полувоздушная обстала колоннада.
Диана полная, глядя между ветвей,
Благословляла стол улыбкою своей,
И явства сочные с их паром благовонным,
Отраднo-лакомым гулякам утонченным,
И – отчих кладовых старинное добро –
Широкодонных чаш литое серебро.
А ветерок ночной, по фитилям порхая,
Качал слегка огни, нам лица освежая.
Зачем ты не сидел меж нами у стола?
Тут в розовом венке и Лидия была,
И Пирра смуглая, и Цинтия живая,
И ученица муз Неэра молодая,
Как Сафо, страстная, пугливая, как лань...
О друг! я чувствую, я заплачу ей дань
Любви мечтательной, тоскливой, безотрадной...
Я наливал вчера рукою беспощадной, –
Но вспоминал тебя, и, знаю, вполпьяна

Мешал в заздравиях я ваши имена.

1847

«Уснуло озеро; безмолвен лес...»

Уснуло озеро; безмолвен лес;
Русалка белая небрежно выплывает;
Как лебедь молодой, луна среди небес
Скользит и свой двойник на влаге созерцает.

Уснули рыбаки у сонных огоньков;
Ветрило бледное не шевельнет ни складкой;
Порой тяжелый карп плеснет у тростников,
Пустив широкий круг бежать по влаге гладкой.

Как тихо... Каждый звук и шорох слышу я;
Но звуки тишины ночной не прерывают, –
Пускай живая трель ярка у соловья,
Пусть травы на воде русалки колыхают...

К красавцу

Природы баловень, как счастлив ты судьбой!
Всем нравятся твой рост, и гордый облик твой,
И кудри пышные, беспечною завиты,
И бледное чело, и нежные ланиты,
Приподнятая грудь, жемчужный ряд зубов,
И огненный зрачок, и бархатная бровь;
А девы юные, украдкой от надзора,
Толкуют твой ответ и выраженье взора,
И после каждая, вздохнув наедине,
Промолвит: «Да, он мой – его отдайте мне!»
Как сон младенчества, как первые лобзанья
С отравой сладкою безумного желанья,
Ты полон прелести в их памяти живешь,
Улыбкам учишь их и к зеркалу зовешь;
Не для тебя ль они, при факеле Авроры,
Находят новый взгляд и новые уборы?
Когда же ложе их оденет темнота,
Алкают уст твоих, раскрывшись, их уста.

Сон и Пазифая

Ярко блестящая пряжка над белою полною грудью
Девы хариты младой – ризы вязала концы,
Свежий венок прилегал к высоко подвязанным
косам,
Серьги с подвеской тройной с блеском качались в
ушах,
Сзади вились по плечам, умащенные сладкою
амброй,
Запах далеко лия, волны кудрей золотых.
Тихо ступала нога круглобедрая. Так Пазифаю
Юноша Сон увидал, полон желанья любви.
Крепкой обвита рукой, покраснела харита младая,
Но возрастающий жар вежды прекрасной сомкнул,
И в упоеньи любви на цветы опускаясь, дева,
Члены раскинув, с кудрей свой уронила венок.

1842

Амимона

«Это у вас, на севере, всё нипочем! Посмотри-ка, Чей там, в дали голубой, парус, как чайка, блеснул?

Ты только белую точку завидел, – а я различила Снасти и пестрый наш флаг. Это отцовский корабль!

Знать, старику надоела в Наксосе жена молодая...
Мать говорила, что он скоро вернется домой,
В Наполи-ди-Романию. Полно вечерней порою
В рощу лавровую мне тайно к тебе приходиться!
Ах, любовь только губит нас, девушек!» – «Милая,
полно!

В этих словах две вины: город родной назвала
Ты Наполи-ди-Романьей: это название – чужое.
Можно ли в вашей стране девам пенять на
любовь?

Здесь она города созидала; по храмам и рощам
Сладостный жар не остыл в гнездах ее голубей.
Знаешь ты, как основался ваш город? гонимый
Египтом,

С целой толпою детей в Грецию прибыл Данай.
В Арголиде, томясь жестокою жаждой, изгнанник
Всех пятьдесят дочерей ключ отыскать разослал.
Долго блуждали они, одинокие. Вдруг Амимона

Неосторожной стопой будит Сатира в лесу.
Нет пощады! – Сатир догоняет пугливую, обнял...
Но над беглянкою бог верным трезубцем взмахнул.
Быстро, как горный олень, умчался Сатир
козлоногий –
Мимо его просвистав, в землю трезубец впился.
„Амимона! – сказал Нептун, – подай мне трезубец!“
Дева, горя от стыда, дернула ловкой рукой.
Чудо! вслед за зубцами железными почва сухая
Чистых, как горный кристалл, три извергает ключа.
Навплия сына Нептуну затем понесла Амимона –
Город ваш Навплию он, смелый пловец, заложил».

1855

Диана, Эндимион и Сатир (Картина Брюллова)

У звучного ключа как сладок первый сон!
Как спящий при луне хорош Эндимион!
Герои только так покоятся и дети.
Над чудной головой висят рожок и сети;
Откиннутый колчан лежит на стороне;
Собаки верные встревожены – оне
Не видят смертного и чуют приближенье.
Ты ль, непорочная, познала вожделенье?
Счастливец! ты его узрела с высоты,
И небо для него должна покинуть ты.
Девическую грудь невольный жар объемлет.
Диана, берегись! старик сатир не дремлет.
Я слышу стук копыт. Рога прикрыв венцом,
Вот он, любовник нимф, с пылающим лицом,
Обезображенным порывом страсти зверской,
Уж стана нежного рукой коснулся дерзкой.
О, как вздрогнула ты, как обернулась вдруг!
В лице божественном и гордость и испуг.
А баловень Эрот, доволен шуткой новой,
Готов на кулаке прохлопнуть лист кленовый.

Золотой век

Auch ich war in Arkadien geboren.
Schiller

Я посещал тот край обетованный,
Где золотой блистал когда-то век,
Где, розами и миртами венчанный,
Под сению дерев благоуханной
Блаженствовал незлобный человек.

Леса полны поныне аромата,
Долины те ж и горные хребты;
Еще досель в прозрачный час заката
Глядит скала, сиянием объята,
На пену волн эгейских с высоты.

Под пихтою душистой и красивой
Под шум ручьев, разбитых об утес,
Отрадно верить, что Сатурн ревнивый
Над этою долиною счастливой
Век золотой не весь еще пронес.

И чудится: за тем кустом колючим
Румяных роз, где лавров тень легла,
Дыханьем дня распалена горячим,

Лобзаниям то долгим, то летучим
Менада грудь и плечи предала.

Но что за шум? За девой смуглолицей
Вослед толпа. Всё празднично кругом.
И гибкий тигр с пушистою тигрицей,
Неслышные, в ярме пред колесницей,
Идут, махая весело хвостом.

А вот и он, красавец ненаглядный,
Среди толпы ликующих – Лиией,
Увенчанный листвою виноградной,
Любуется спасенной Ариадной –
Бессмертною избранницей своей.

У колеса, пускаясь вперегонку,
Нагие дети пляшут и шумят;
Один приподнял пухлую ручонку
И крови не вкусившему тигренку
Дает лизать пурпурный виноград.

Вино из рога бог с лукавым ликом
Льет на толпу, сам весел и румян,
И, хохоча в смятеньи полудиком,
Вакханка быстро отвернулась с криком
И от струи приподняла тимпан.

Даки

Вблизи семи холмов, где так невыразимо
Воздушен на заре вечерний очерк Рима
И светел Апеннин белеющий туман,
У сонного Петра почиет Ватикан.
Там боги и цари толпою обнаженной,
Создания руки, резцом вооруженной,
Готовы на пиры, на негу иль на брань,
Из цезарских палат, из храмов и из бань
Стеклись безмолвные, торжественные лики,
На древние ступя, как прежде, мозаики,
В которых на конях Нептуновых Тритон
Чернеет, ликами Химеры окружен.
Там я в одной из зал, на мраморах, у входа,
Знакомые черты могучего народа
Приветствовал не раз. Нельзя их не узнать:
Всё та же на челе безмолвия печать,
И брови грозные, сокрытых сил примета,
И на устах вопрос, – и нет ему ответа.
То даки пленные; их странная судьба –
Одна безмолвная и грозная борьба.
Вперя на мрамор взор, исполненный вниманья,
Я в сердце повторял родимые названья
И мрамору шептал: «Суровый славянин,
Среди тебе чужих зачем ты здесь один?»

Поверь, ни женщина, ни раб, ни император
Не пощадят того, кто пал как гладиатор.
По мненью суетных, безжалостных гуляк,
Бойцом потешным быть родится дикий дак,
И, чуждые для них поддерживая троны,
Славяне составлять лишь годны легионы.
Пускай в развалинах умолкнет Колизей,
Чрез длинный ряд веков, в глазах иных судей,
Куда бы в бой его ни бросила судьбина,
Безмолвно умирать – вот доля славянина.
Когда потомок твой, весь в ранах и в крови,
К тому, кого он спас, могучие свои
Протянет руки вновь, прося рукопожатья,
Опять со всех сторон подымутся проклятья
И с подлым хохотом гетера закричит:
„Кончай, кончай его!“ – он дышит, он хрипит;
Довольно сила рук, безмолвие страданий
Невольных вызвали у нас рукоплесканий!
(Как эти варвары умеют умирать!)
Пойдемте! Кончено! Придется долго ждать
Борьбы таких бойцов иль яркой львиной драки.
Пойдемте! Что смотреть, как цепенеют даки!»

1 декабря 1856

Телемак у Каллипсы

Солнце низко. Легкой мглою
Вечер доли напояет.
Вход в пещеру раззолочен.
С наклоненной головою
Старый Ментор засыпает.
Сын Улисса озабочен.

Смолкли нимфы. Тихо дышит
Море, пар подъяв туманный.
Все безмолвствуют упорно.
Нимфа Эхо ясно слышит,
Как смолы благоуханной
На жаровне прыщут зерна.

Полны сладкого Лиея,
Ждут раскрытые амфоры;
Но забыл густую влагу
Сын прекрасный Одиссея;
Он поднять не смеет взоры,
Он ступить не смеет шагу.

На душе и стыд, и горе:
Как осмелиться богине
Рассказать свою кручину?

«Неужели, злое море,
Завтра я в твоей пустыне
Всё забуду, что покину?»

Разгораясь в блеске алом
Отлетающей Авроры,
Но безмолвна, как рабыня,
Грудь прикрыла опахалом
И, склоня к любимцу взоры,
Не насмотрится богиня.

О Зевес! Зачем же лира
Так бессильна – дар, любимый
Златовласым Аполлоном?
Иль зачем, владыка мира,
Взгляд такой невыразимый
Ты даешь влюбленным женам?

1857

Венера Милосская

И целомудренно и смело,
До чресл сияя наготой,
Цветет божественное тело
Неувядающей красой.

Под этой сенью прихотливой
Слегка приподнятых волос
Как много неги горделивой
В небесном лице разлилось!

Так, вся дыша пафосской страстью,
Вся млея пеною морской
И всепобедной вея властью,
Ты смотришь в вечность пред собой.

1856

Нимфа и молодой сатир (группа Ставассера)

Постой хотя на миг! О камень или пень
Ты можешь уязвить разутую ступень;
Еще невинная, бежа от вакханалий,
Готова уронить одну ты из сандалий.
Но вот, косматые колени преклоня,
Он у ноги твоей поймал конец ремня.
Затянется теперь не скоро узел прочный:
Сатир, и молодой – не отрок непорочный!
Смотри, как, голову откинувши назад,
Глядит он на тебя и пьет твой аромат,
Как дышат негою его уста и взоры!
Быть может, нехотя ты ищешь в нем опоры,
А стройное твое бедро так горячо
Теперь легло к нему на крепкое плечо.
Нет! Мысль твоя чиста и воля неизменна;
Улыбка у тебя насмешливо-надменна.
Но отчего, скажи, – в сознании ль красоты
Иль в утомлении так неподвижна ты?
Еще открытое, смежиться хочет око,
И молодая грудь волнуется высоко.
Иль страсть, горящая в сатире молодым,
Пахнула и в тебя томительным огнем?

Сон и смерть

Богом света покинута, дочь Громовержца немая,
Ночь Гелиосу вослед водит возлюбленных чад.
Оба и в мать и в отца зародились бессмертные боги,
Только несходны во всём между собой близнецы:
Смуглоликий, как мать, творец, как всезрящий родитель,
Сон и во мраке никак дня не умеет забыть;
Но просветленная дочь лучезарного Феба,
дыханьем
Ночи безмолвной полна, невозмутимая Смерть,
Увенчавши свое чело неподвижной звездой,
Не узнает ни отца, ни безутешную мать.

1858 или 1859

«Когда петух...»

Когда петух,
Ударив три раза
Крылом своим золотистым,
Протяжную песню
Встречает зарю
И ты, человек,
Впиваешь последнюю
Сладкую влагу
Сна на заре,
Тогда поэт...
Нет! Спи, утомленный
Заботами дня,
Земной страдалец!
Ты не поймешь,
Зачем я бодрствую
В таинственном храме
Прохладной ночи.

Чу! Слышу, вздох
Ко мне несется
С мягкого ложа,
Где при серебряной
Луне белеют
Младые ланиты,

Покрытые первым
Шелковым пухом,
И где в беспорядке
Рассыпаны кудри.
А! слышу, слышу, –
Ты также не спишь,
Несчастный влюбленный!

Послушай, что ныне
Я слышал ночью
От чад Сатурна:
Они мне велели
В земных страданиях
Искать исцеленья
У Вакха. Наполним
Стаканы – и оба
Заснем поутру,
Когда другие
Пойдут трудиться.

1840

Нептуну Леверрье

Птицей,
Быстро парящей птицей Зевеса
Быть мне судьбой дано всеобъемлющей.
Ныне, крылья раскинув над бездной
Тверди, – ныне над высью я
Горной, там, где у ног моих
Воды,
Вечно несущие белую пену,
Стонут и старый трезубец Нептуна
В темных руках повелителя строгого блещет.
Нет пределов
Кверху и нет пределов
Книзу.

Здравствуй!
На половинном пути
К вечности, здравствуй, Нептун! Над собою
Слышишь ли шумные крылья и ветер,
Спертый надгрудными сизыми перьями?
Здравствуй!
Нет мгновенья покою;
Вслед за тобою летящая
Феба стрела, я вижу, стоит,
С визгом перья поджавши, в эфире.

Ты промчался, пронесся, мелькнул и сокрылся,
А я!

Здравствуй, Нептун!
Слышишь ли, брат, над собою
Шумный полет? – Я принес
С жаркой, далекой земли,
Кровью упитанной,
Трупами тучной,
Лавром шумящей,
Мой привет тебе: здравствуй, Нептун!

Вечно, вечно,
Как бы ни мчался ты, брат мой,
Крылья мои зашумят, и орлиный
Голос к тебе зазвучит по эфиру:
Здравствуй, Нептун!

1847